

Военно-поисковое движение в воспитании российской молодежи

О. В. Лишин,
кандидат психологических наук;
А. К. Лишина

Лозунг «жизнь для себя» — это
легкий путь в черную гибель.

Л. Н. Гумилев

Великая Отечественная война — это не только одна из страниц истории нашей страны, не только летопись относительно недавнего героического прошлого народов, ее населявших. Прежде всего это урок истории, который заслуживает быть усвоенным потомками ее участников хотя бы для того, чтобы не стать «второгодниками истории». Первое условие продуктивности преподавания этого предмета — правдивость передачи информации. Здесь же и первые проблемы.

Правда есть правда. И бесполезной
Быть не может. Но выгодной или
Невыгодной — может. И тогда —
Та, что выгодна, будет полезной
И желательной, а та, что невыгодна,
И бесполезной, и нежелательной...
Вот и вся правда о правде. Аминь!

Первое из условий усвоения пережитого — это правда о человеке. Личность — это узел человеческих отношений. Формируется она с момента рождения, вбирая в себя человеческие отношения из тех, которыми окружена, с тем чтобы позже, аккумулировав их и преобразовав в свои, создать вокруг себя новое поле отношений: проникнутое доброжелательством и заботой, сознанием своей ответственности — в одних случаях, замкнутое на эгоцентризме, готовое и к обороне, и к нападению на ближнего, свободное в своем самоутверждении — в других, ущербное своей заниженной самооценкой, верящее тем, другим, кто лучше, или совсем ни в кого не верящее — в третьих, в четвертых, в пятых...

Мы, педагоги, штатные или общественные воспитатели, обычно успокаиваем свою душу тем, что занимаемся военно-патриотическим, или экологическим, или эстетическим воспитанием (ряд можно продолжить). Хорошо ли, плохо ли — судим по числу наших акций, по их производительности. Цифры нередко и вправду внушают уважение.

В серьезной, насыщенной материалом книге о военном поиске, первой, по-видимому, в стране монографии на эту тему, С. И. Садовников приводит цифры неточные, но тоже вызывающие уважение: «Силами всех поисковых формирований, которые насчитывают в сво-

их рядах 5—7 тысяч энтузиастов, были обнаружены и захоронены (либо перезахоронены) только за последнее десятилетие более 100 000 павших защитников Родины. Из этого числа были идентифицированы 5150 воинов <...>, были установлены судьбы: а) рядовой и сержантский состав, всего 3828 человек... б) офицерский состав — всего 372 человека... Из 5150 идентифицированных военнослужащих по состоянию на 1.06.2002 были найдены родственники в более чем половине случаев, т. е. примерно 3000 семей были извещены о судьбах воинов, не вернувшихся с войны»¹.

Спасибо автору. Примерно такую книгу поисковики ждали давно. Многие получают с ее помощью современную технологию грамотного поиска. По вполне понятным причинам (задачи другие) в книге не затронуты вопросы психологии и педагогики работы с подростками и юношеством, составляющими значительную часть поисковиков. Считается, по видимому, что участники военно-поискового движения проходят по ведомству военно-патриотического воспитания. Звучит вроде бы вполне убедительно. Однако в действительности нет важнее задачи, чем воспитание личности, способной к сопереживанию, сотрудничеству, самостоятельному принятию решений и ответственности за них, личности, умеющей трезво оценивать обстоятельства, имеющей свое мнение и способной отстоять его. Вот это и есть воспитание, которое невозможно, да и не нужно делить на военно-патриотическое, просто патриотическое, экологическое, трудовое, нравственное, экономическое и прочее, придуманное для учета и контроля за формой и меньше всего пригодное для понимания сущности воспитательной работы. Выбрать направление, овладеть навыками и умениями в своих занятиях человек всегда сможет сам. Ключевое понятие полноценной личности — это способность к выбору, принятию решения и ответственности за него. Важнейшее условие для воспитания личности — это знание правды. В нашем случае, если речь идет о военном поиске, — знание правды о минувшей войне. Поисковик должен знать противоречия Великой Отечественной войны.

В том числе и такие:

Всё было на войне — и трагизм, и самопожертвование...
Но было еще и нежелание умирать по приказам
бездарных командиров. И тогда рождался
солдатский саботаж — скрытый протест
отчаявшихся людей, готовых умереть за Родину,
а не за бездарных командиров — нет.

К. С. Белаш

Крушина

Я встретил его в окружении... Разный
мотался в ту пору народ по лесам,
и, чтоб не промазать, решил, что устрою
на первом привале проверку ему...
Я сбросил свой «сидор», набитый харчами, которые я у фашистов забрал.
— Ты, кореш, пока что костерчик сложи,
а я за водичкой спущусь к ручью.
— Винтарь-то оставь. Надоело, небось,
таскать эту дуру по всей Беларуси!..
— Да нет, не скажи. Без нее даже скучно, —
и екнуло сердце тревожно и муторно.
Дошел до кустов и нырнул под крушину.
И вовремя!.. Только я выглянул — во:
уже вещмешок мой подался в осинник.

¹ Садовников С. И. Поиск, ставший жизнью. М., 2003. С. 229—230.

— А ну-ка постой, молодой и красивый!
И встал на колени, и вскинул винтовку.
Я думал: раскрашу ему фотографию,
и ну его к черту, такого попутчика!
Но он себе выбрал другую судьбу,
когда передернул затвор карабина.
Я выстрелил первым — поскольку меня
не сразу открыл он меж листьев крушины.

Владимир Дмитриевич Дудинцев, автор романов «Не хлебом единым» и «Белые одежды», юрист по образованию, в 1942 г. был командиром роты на Ленинградском фронте. «В роте, — вспоминает он, — которую я первый раз принял, было 150 человек, через сутки — 90. Потом пришло пополнение из тыла — старики, инвалиды, мальчишки... Эти мальчишки и инвалиды не только не умели воевать, многие из них не знали устройства винтовки. Они не умели даже бегать; в них, блокадниках, голод подавил инстинкт самосохранения, они были слабы и готовы умереть.

И вот нам сбрасывают с самолета продовольствие — сухари, похожие на кирпичи из обожженной глины. Убить человека можно было таким сухарем. Солдаты расстилают на снегу шинель, раскладывают кучки по числу едоков со строжайшей справедливостью. Один из них накрывает кучку рукой и спрашивает: «Кому?» «Остапчуку, Нечитайло», — несется в ответ... Потом, когда эта процедура заканчивалась, ко мне подходил старшина и вручал пакетик — мой лейтенантский паек. Тут и сухая колбаска, и курево, и галеты, и сахарок. Куда деваться?

Я знал, что у моих голодных солдат существует несколько очередей: на лейтенантов табак, на лейтенантов сахар, на лейтенантов колбасу. Я распечатывал пакет, и от каждой из очередей ко мне подходил уполномоченный и получал то, что требовалось. Некоторое время спустя из леса доносился голос: «Старшему лейтенанту нечего курить! На, курни разок». Я затыгивался, и вместе с затыжкой в меня входило совершенно особое ощущение человеческого единения... А политруки не понимали меня, они не могли представить, что поделиться с солдатом лейтенантским пайком было долгом офицера еще с суворовских времен <...> я служил в артиллерии, но после четвертого ранения был комиссован и попал как юрист в военную прокуратуру. Через этот объектив мог наблюдать наш комсостав в действии. Самое ужасное, что многим из них неведомы были чувства, владевшие теми, кто воевал. Там... генералы, полковники нещадно пили водку, принуждали к сожительству мобилизованных на фронт женщин, тех, кто уходил из дома с песней «Вставай, страна огромная...». Там «выдавали особые пайки, а к тем, кто покрупнее чином, были прикомандированы и собственные повара». И как вывод: «В каждом человеке должно быть заложено нравственное чувство, которое реагирует на страдания ближнего и требует, чтобы он их не допускал. С детства воспитывали во мне и во многих других этот нормальный мир чувств нормально человека» (Дудинцев В. // Столица. 1991. № 28/34. С. 37).

Зачем нашим подросткам и юношам знать подобную правду? Для того, чтобы растущая личность готовилась к жизненной необходимости — делать выбор. Выбор человеческого поведения, возможно, и в экстремальной ситуации. А чтобы этот выбор был в пользу «нормального мира чувств нормального человека», должен существовать мир коллективных отношений подростково-юношеской группы, военно-поисковой или какой-либо еще — любого профиля. Главное, чтобы она формировала у ребят общечеловеческие ценности, независимо от того или иного строя, без которых человечество выжить не может, ценности гуманистические, такие, как способность к сопереживанию, сотрудничеству, самостоятельности в принятии решений и ответственности за них, отношение к любому другому человеку, даже не похожему на тебя, как к равной тебе личности. Только деятельность в такой группе, вместе с ее целями и способом организации, а также складывающимися у ее участников от-

ношениями способна стать мощным воспитывающим фактором, формирующим устойчивую жизненную позицию человека. Другое дело — какова будет эта позиция? Она будет такой, какую способна была создать деятельность. Логика развития в том и состоит, что растущий человек на разных этапах своего взросления выбирает свою деятельность и связанные с ней отношения, а уж они и формируют затем его личность. Именно выбор своей деятельности, своей группы, ведет подростка к своему отношению к себе, к миру, к людям. Момент этого выбора очень значим для будущего человека. Особенную роль играет руководитель этой деятельности, взрослый наставник.

Значение взрослого наставника не исчерпывается его ролью руководителя; одновременно с руководством наставник передает группе свою внутреннюю жизненную позицию, свою систему отношений к себе, к миру, к людям. Иногда это происходит незаметно для участников деятельности. Поэтому чрезвычайно важно, какая личность стоит во главе объединения, какие ценности она несет ребятам.

Психологи, наши и зарубежные, выявили четыре основные жизненные позиции. Мы обозначим их как гуманистическую (я принимаю себя и принимаю других), эгоцентрическую (я принимаю себя, но не принимаю других), социцентрическую, или депрессивную (я не принимаю себя, но принимаю других) и негативистскую (я не принимаю себя и не принимаю других). Человек гуманистического склада, в силу разных жизненных обстоятельств, может оказаться в депрессивной, а затем и в негативистской позиции, эгоцентрик тоже может попасть в негативисты. Задача психотерапевтов всех школ — выводить людей из этих позиций в наиболее здоровую — гуманистическую. Наиболее здоровой считают ее психологи всех школ, занимающихся вопросами личностного развития. Люди этой позиции, как показывает жизнь, наиболее устойчивы перед стрессовыми ситуациями, они быстрее приходят в себя после неудач и личных катастроф. Люди гуманистического склада более эффективны как руководители, хотя нередко проигрывают как управленцы. Они обладают устойчивой положительной самооценкой, ожидают доброжелательного отношения к себе со стороны других, потому что к другим относятся также доброжелательно, с уважением и интересом, даже если эти другие придерживаются иных взглядов и убеждений. При описанном подходе не исключена борьба мнений, противодействие противнику, даже войне, исключено лишь презрение к инакомыслящему. Исследования психологов показали, что жизненная позиция (направленность личности) не дается человеку от рождения. Она вырабатывается в ходе его развития, и последним рубежом для ее формирования является переход от старшего подростка (15—17 лет) к юности. Дальше мы имеем дело уже со сложившимся человеком с определенной жизненной позицией.

Не последнюю роль в формировании гуманистической личности играет способность к сопереживанию, которую вполне целенаправленно можно развивать в ходе поисковых работ.

«Зачем эта ночь на холодной земле под открытым небом, зачем этот костер в каске? — пишет старшеклассник, участник поиска на позициях 32-й отдельной стрелковой бригады подо Ржевом, где в 1942 г. воевал будущий писатель В. Л. Кондратьев. — Да только лишь затем, чтобы понять, постараться как можно глубже почувствовать тех людей, многим из которых не суждено было вернуться с этой опушки. Только для этого пусть непродолжительные, но все же лишения. Нельзя почувствовать этих людей так полно, как это удалось нам — сидя в теплой комнате, отрываясь от книги для чашки горячего чая с парой бутербродов. Нельзя представить себе этих людей, что шли навстречу своей смерти, навстречу тяжелейшим испытаниям так отчетливо, будто знаком с ними и бредешь с ними рядом по глубокому снегу».

Потребность в этом понимании-сопереживании у молодежи есть. Во время раскопок в районе реки Кереть под Новгородом были найдены среди солдатских костей сжавшиеся до плотности школьной резинки полушария человеческого мозга. «Послушайте, — спросила

девушка из отряда, — а можно ли узнать, что этот человек думал в последние секунды жизни?» Подобные вопросы звучали не раз. «Какими они были? О чем думали? Как это узнать?» Сверстники погибших, люди из воевавшего в 1941—1945 гг. поколения, чаще всего в этом случае помогают мало, потому что сами они уже совсем другие, чем полвека назад. Редкий человек может воскресить для себя и для нас неповторимые краски и запахи минувшего дня. И будет у него для этого только одно средство — искусство. Образ. Деталь. Отношение. «Наше выступление я не скоро забуду, — пишет десятиклассница в опросной анкете после полевого сезона, который закончился выступлением агитбригады со стихами и песнями о войне, строго отобранными по критерию психологической достоверности. — Тогда я вдруг поняла, что эти кости раньше были людьми, которые любили и ненавидели, смеялись и плакали и мало чем отличались от нас. Я и раньше это знала, даже пыталась представить, но не получалось. А там... вдруг поняла, почувствовала, почти увидела их, как будто бы открылась какая-то дверка в прошлое». Таково воздействие искусства. Прикосновение к судьбам найденных нами людей делает страницы истории живыми. Так военно-поисковая работа помогает ее участникам «войти» в культуру своей страны, своего народа.

Экстремальный характер деятельности военно-поисковых групп связан с определенными физическими и моральными перегрузками. Это походный полевой быт с палатками и кострами, тяжелые земляные работы и длительные переходы при любой погоде по лесной, болотистой или горной местности, напряженное внимание, возможные встречи с взрывоопасными предметами и повседневное соприкосновение с человеческими останками. Трудности экспедиционной жизни легче переносятся там, где складываются коллективистские отношения ответственной зависимости в деловых вопросах, заботы и взаимовыручки в личных отношениях, открытое и доброжелательное общение не только внутри группы, но и с местными жителями, которым ребята стараются помочь, чем могут, — все это заставляет участников поисковых отрядов посмотреть на себя со стороны, ощутить самоуважение. Обычно этому способствует мнение окружающих, что ребята делают святое дело, и, как это ни кажется странным, естественное для военных поисковиков соприкосновение со следами смерти.

В обычных условиях наша молодежь отгорожена от всего, что связано с концом жизни. Мы, старшие, интуитивно, насколько это возможно, оберегаем наших детей даже от мысли о смерти. Тем трагичнее оказывается для них столкновение со смертью в действительности.

«Дух серьезности, — писал психолог Л. С. Рубинштейн, — серьезное, т. е. ответственное, отношение к жизни есть реалистическое отношение к жизни, соответствующее всей ее исторической и личной конкретности. Чувство трагического, или дух серьезности, связано прежде всего с отношением к бытию и небытию, к жизни и смерти. Чтобы понять истоки этого чувства, нужно понять вначале реальную диалектику жизни и смерти, которая и порождает затем отношение к ним человека. Факт смерти превращает жизнь человека не только в нечто конечное, но и окончательное. В силу смерти жизнь есть нечто, в чем с известного момента ничего нельзя изменить. Смерть превращает жизнь в нечто внешне завершенное и ставит, таким образом, вопрос о ее внутренней содержательности. Она снимает жизнь как процесс и превращает его в нечто, что на веки вечные должно остаться неизменным. Жизнь человека в силу факта смерти превращается в нечто: ему подводится итог. В смерти этот итог фиксируется. Отсюда и серьезное, ответственное отношение к жизни в силу наличия смерти... Для меня самого моя смерть — это не только конец, но и завершенность, т. е. жизнь есть нечто, что должно не только окончиться, но и завершиться, получить в моей жизни свое завершение <...> Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок которого может истечь в любой момент. Это и есть закономер-

ное серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой»².

В экспедиции под Ржевом вместе с «Дозором» побывала профессор истории Уэлсли Колледжа, научный сотрудник Гарвардского университета Нина Тумаркин. Она обратила внимание на отношение поисковиков к человеческим останкам. Ее поразила «серьезная нежность», с которой ребята обмывают свои страшные находки. Кто-то обратил ее внимание: «Смотрите, какие они молодые, зубы белые, ровные». Один из подростков стеснительно сказал: «Мне хочется погладить каждый череп». Нина, не сдержавшись, всхлинула. Потом ее спросили, было ли ей страшно. «Нет, не страшно — горько. Но я впервые поверила в ваше будущее. Эти дети будут прекрасными взрослыми». Позже в своей монографии Нина Тумаркин напишет, как у костра, под звездами, «Дозор» устроил встречу с «теми, кого мы ищем». Вышел из темноты к огню семнадцатилетний Саша в форме военных лет, и стал солдат из 1942-го вспоминать, где сражался, о чем думал, на что надеялся. Его сверстники из 1942-го, уже хлебнувшие той правды и о войне, и о мире, которой ему не дано было узнать, расспрашивали его.

Ребята-поисковики, по нашим наблюдениям, очень быстро взрослеют, хотя и не теряют черт, присущих детству и юности. Их взросление выражается в появлении той самой «серьезности», о которой пишет психолог С. Л. Рубинштейн. Она выражается в более ответственном отношении к тому, что они делают, к окружающим людям.

Психологические исследования мотивов участия в военно-поисковой работе проводились нами в последний раз на базе четырех объединений из разных регионов России: Москвы, Татарстана, Удмуртии и Архангельска на Вахте Памяти в 120 км от Мурманска, в районе горного массива Муста-Тунтури на побережье Баренцева моря. Возраст участников Вахты был от 14 до 35 лет. Условия жизни и работы были достаточно суровыми: туманы, пронизывающие ветра, дожди, низкие тучи во время прохождения циклонов, необходимость собирать топливо для костров по берегу моря, пилить, сушить — и только после этого использовать «плавник» в качестве дров для варки еды, сушки одежды и обогрева. Поисковые работы шли преимущественно в скалах, на высоте 500—600 м над уровнем моря, часто в морозящий дождь. Останки убитых в этих местах, по выражению поисковиков, как бы перетекают вниз по склону, нередко были скрыты под слоем мха и лишайника. Участники работ жили в палатках, прикрытых от дождя тентами, которые иногда промокали или их срывал шквальный ветер. Заброска поисковых отрядов проводилась на военных машинах в течение пяти часов по трудно проходимым дорогам горной тундры. В ходе исследования, в котором участвовали 73 человека, нами была использована методика выявления мотивационной структуры деятельности (МСД), разработанная в Лаборатории изучения психического развития в подростковом и юношеском возрастах Психологического института РАО. Ребятам предлагались суждения, отражающие девять мотивов участия в поиске: мотив удовлетворения процессом поиска, мотив осознанной необходимости — самопринуждения, мотив самоутверждения, мотив прагматической выгоды, мотив принципиальной исполнительности (добросовестности), мотив социальной ответственности, мотивы ориентации на руководителя, на группу, на родителей (семью). Мотивы были сгруппированы на карточках попарно (итого 36 карточек) по принципу «каждый с каждым». Каждое суждение оценивалось от 1 до 3 баллов. Затем подсчитывалось число баллов по каждому из мотивов, на основании чего строилась диаграмма. Интенсивность каждого из мотивов подсчитывалась по шкале в 27 баллов.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что по интенсивности мотивов на первом месте у 85 % участников поиска оказалось удовлетворение от самого процесса поиска, хотя

² Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 354—355.

он проходил, как мы уже говорили, в экстремальных условиях. Второе по значимости место у 90 % испытуемых занял мотив социальной ответственности. На третьем практически у всех был мотив ориентации на свою группу, лишь на четвертом месте — у 75 % испытуемых — ориентация на личность руководителя. Последнее, очевидно, было связано с демократизмом отношений в отрядах, отличавшихся, к слову сказать, прекрасной организованностью и дисциплиной.

По роду своей работы поисковики, особенно те, кому больше 14—15 лет, активно интересуются историей Великой Отечественной войны, открывающей для них свои, до сих пор еще не известные многим, страницы. Толчком к этому бывает работа не только на местности, но и в архиве. Так, обнаруженная в старой винтовочной гильзе под Ржевом записка помогла найти след погибшего там Курмши Давлетшина, красноармейца 2-го гвардейского мотоциклетного полка, а с помощью военного архива ЦАМО в Подольске узнать историю боя в начале декабря 1942 г. на правом берегу Волги, в котором полк Давлетшина принимал участие. 4 декабря первая рота полка с одним взводом усиления перешла на правый берег Волги, была окружена немцами в селе Малахово-Волжское и в течение суток погибла полностью, отбиваясь до последней возможности. Из архивных данных стали известны списки погибших в том бою, так же как и подробности сражения. Однако до сих пор нам не удалось найти останки павших, отчасти еще и потому, что из местных жителей, помнивших войну, в селе практически никого не осталось.

С помощью наших ребят восстановлена картина отчаянной обороны частей 932-го артполка 375-й стрелковой дивизии 30-й армии, вместе с группой полковых противотанковых орудий 1245-го стрелкового полка той же дивизии защищавшей позиции у села Новое Коростелево на Селижаровском тракте за Ржевом 22 января 1942 г. Из этого боя живым вышел только один боец — связной, посланный в тыл с донесением в штаб. Большинство погибших в том бою мы нашли в Коростелевском овраге и с почестями похоронили их в братской могиле в совхозе «Победа». Таких примеров живой истории, с восстановленными именами и биографиями погибших людей, каждый поисковый отряд может привести достаточно много. Потому что военный поиск связан не только с работой на местности и в архиве, но и с поисками родных погибшего солдата, выяснением его биографии. «Мы ищем не кости, мы ищем личности», — сказала одна школьница. Нередко поисковики сами сооружают памятные знаки на местах боев, еще и такими средствами увековечивая память погибших. Например, в Карелии наш отряд «Дозор», состоявший из школьников и студентов, поставил памятные знаки участникам Ондозерского десанта 1942 г., а также бойцам Первой партизанской бригады Ивана Григорьева, совершившим в июле-августе 1942 г. героический рейд по тылам финской армии, и отдельно — погибшим девушкам-партизанкам той же бригады. На местах самых жестоких боев, где погибло много партизан, дозоровцы и их друзья посадили несколько сотен саженцев кедра, присланных трудовым отрядом подростков и студентов «Эдельвейс» из Новосибирска. Так что лет через 50 на карельской земле поднимутся две кедровые рощи — живые памятники партизанам 40-х гг.

Иногда поисковикам приходится обнаруживать в ходе работ совсем «небоевые», но тем не менее об очень многом говорящие находки. Так, во время работы на месте исчезнувшей в войну тверской деревни Ножкино, в неглубоком шурфе ребятам открылась еще одна страничка истории. На глубине метра были обнаружены остатки аккуратно сложенных вещей: туфли, валенки с галошами, истлевшие в земле голенища кожаных сапог, рядом свернутые в узел ткани: грубое полотно, тюлевые занавески, шерстяное покрывало. Все — черное, будто обугленное. Здесь же — стопка школьных учебников для VII класса по физике, химии, литературе, учебник по истории партии. Над всем этим — слой сгоревшего дерева, оплавленного стекла, обожженных кирпичей. Выше — скелет человека без головы, и рядом с ним — ручная граната. Так и видится тревожная осенняя ночь, с гроыханием орудий и заревом на горизонте. И жители, покидающие родное село и торопливо закапывающие свой

скудный скарб — самое ценное — в надежде, что хоть что-нибудь сохранится. Где эти люди? Где тот семиклассник, чьи учебники под землей дождались прихода через полвека ребят нового поколения и обугленными лепестками раскрылись в их руках? Каждая подобная находка — повод для размышлений.

Какие мысли рождает у молодежи поисковая работа? Вот пример анкеты, заполненной одной из старшеклассниц:

— *Что лично вас привлекает в поиске и почему?*

— Самым трудным для меня является то, что, коснувшись солдатских костей, почувствовав отношение к войне, принятое в отряде, я возвращаюсь в наш обычный, «внепоисковый» мир и встречаю другое отношение людей, уже испорченных показухой: они просят привезти «на память» человеческий череп.

— *Что в наибольшей степени запомнилось вам из опыта вашего участия в поисковой работе?*

— В мае в Овсянниковском овраге, в раскопе найденный кем-то ремень, оставшийся застегнутым с войны. Он был когда-то надет на человека — но костей вокруг не было...

— *Нужен ли наш поиск? Кому? В чем, по-вашему, его смысл?*

— Поиск нужен прежде всего самим поисковикам. Пожалуй, еще некоторым фронтовикам и людям, которые до сих пор еще ждут кого-то с войны. Смысл его в том (для меня), чтобы сохранить память о погибших и понять, какая цена у человеческой жизни.

Примером того, как отвечают на весть, добытую поисковиками, родственники погибших, могут служить строки из письма Нина Сергеевны Чуфаровой, дочери солдата, погибшего у села Коростелево: «Узнала правду... Как будто с отцом поговорила и наяву его увидела и представила себе, как им было на войне и тяжело, и трудно... На душе стало и тяжело, и легко».

Подводя итог сказанному, мы хотели бы отметить, что общепринятое деление воспитания по направлениям — эстетическому, трудовому, интернациональному, экологическому, нравственному и т. п. — пригодно лишь для отчетности по документам, но не может служить основой для реальной воспитательной работы, так как целью воспитательной работы может быть только личность, создание условий для ее полноценного формирования в интересах общества. А полноценно сформированная личность способна сама решить вопрос, куда направить свою жизнедеятельность. Деление воспитательной работы может иметь только тот смысл, что дает информацию об определенных видах деятельности. Так, военно-поисковая деятельность, руководимая нравственно подготовленными воспитателями-наставниками, способна сформировать полноценную личность, способную к сопереживанию, сотрудничеству, принятию ответственных решений во имя заботы о людях, личность, которая способна реализовать себя в любом из направлений человеческой деятельности. Для того чтобы личность подобного типа могла возникнуть, нужно, чтобы молодые люди, встречаясь со следами минувшей войны, узнавали правду о пережитом ее участниками и свидетелями, правду о противоречиях и трагедиях эпохи, многие из которых унаследованы и нашим временем.